

Глава двадцатая## Прятки (часть пятая)Ещё раз. И ещё разок. Сера, вцепившись в метлу словно в священный артефакт, методично повторяла эту фразу, словно заклинание, дабы запечатлеть её в своей душе. С каждым новым «ещё разок» угол метлы менялся, а сама Сера всё глубже погружалась в этот странный танец. И вдруг – чье-то присутствие сзади. Вздогнув, словно птичка, попавшая в капкан, Сера резко повернулась.— ...Сера? Что ты тут делаешь?Эта была Айрис, её шаги неслись по коридору к комнате, которая, как и вся остальная усадьба, нуждалась в срочной уборке. Скрывать своё присутствие не было смысла. Сера выдохнула, словно освободившись от невидимого груза. Айрис, а не кто-то другой.— Ох, госпожа Айрис, — выдохнула она, пытаясь найти слова.— Кхм! Что это? Что за странная поза? — Айрис, словно опытный охотник, выследила объект своей заинтересованности, её взгляд был острым и пронизательным.— Это... — Сера залилась краской, подобно алому закату, окрасившему небо, она чувствовала себя беспомощно глупой, застывшей вполнине странного упражнения с двумя метлами, словно огромные крылья, вздыбленными над её грудью. — Ахаха... Я тренировалась. Пока получается довольно неуклюже, — ответила она, схватив обе метлы одной рукой, а другой поправляя юбку, словно пытаясь скрыть свою неловкость. Реверанс, неуклюжий и немного смешной, но всё же чёткий. — Не переживай. Прилагать усилия ради того, чтобы стать лучше, это здорово, — сказала Айрис, её голос был тёплым, как летний ветер, ласкающий поляну, — И совершенно не важно как это выглядит. Неловко должно быть мне. Кажется, я прервала твою тренировку.— Пожалуйста, воздержитесь от высказываний о совершенствовании, — взмолилась Сера, её тон был пропитан едва заметной горечью. — Это задевает.— Задевает? — Айрис, как всегда, была полна любопытства, подобно кошке, поджидающей мышку.— По правде, я просто сачковала от дел, — призналась Сера, её улыбка была смущённой, как робкий цветок, распускающийся под утренним солнцем. Она никогда не осмелилась бы признаться в этом Штейну, но с Айрис всё было иначе. Яна связывала ответственность за Райли, а Сера была ответственна перед Айрис, служила ей, проводила с ней большую часть времени. Для них общение, как между друзьями, было обыденностью.— Сачковала? — Айрис, словно отражая солнечный свет, искрилась любопытством.— Ну... Господин Райли исчез.Райли, исчезнувший вчера, исчез снова. Этот факт заставил душу Айрис похолодеть, словно от ледяного ветра с вершины высочайшей горы. Ей представлялись ассасины, скрывающиеся в тени, готовые снова ударить.— Райли был? — её голос дрогнул, словно струна, вот-вот готовая лопнуть.— О, это не то о чем вы подумали, — Сера, словно пытаясь успокоить бурю, продолжила, — По-правде... Господин Штейн разговаривал с господином Райли. Сейчас сезон турниров. Мне кажется, причина в этом...— Ах.. — Айрис понимающе кивнула, словно в тихом лесу замерла перед её глазами сова, внимательным взглядом осматривая окружающее пространство.— Ты думаешь, это прятки? — её голос прозвучал почти шёпотом, невольно передавая свою тревогу. — Да. Я хотела поискать его... но моё внимание на полпути отвлекла тренировка, — Сера смущенно засмеялась, её смех был тихим и нежным, словно пение ручейка в летнем лесу. Если третий сын особняка прячется, его не может найти никто. Это был факт.— Ох, Райли... — Айрис, словно нехотя, признала это, её взгляд погрузился вглубь самой себя.— Итак... Разве вы ничего от него не ожидаете? — Сера, словно опытный хирург, задала вопрос, невольно поразив Айрис в самую сердцевину.— Ожидать от него? — Айрис с искренним удивлением в голосе переспросила, её взгляд словно затуманился.— Да. Похоже на то, что господин Штейн хочет заставить Райли кое-что сделать. Но господин Райли только сбегает... И все же, вы придерживаетесь мягкой позиции. Разве вы не переживаете? Например, о том разговоре... о преемнике? — Сера не оставила Айрис выбора, она просто не могла не задавать эти вопросы.Этот же вопрос часто задавал Ян. Даже ныне изгнанная госпожа Орелли была довольно строга с детьми. Но Айрис была полной противоположностью. Как бы ни был ленив ее сын, она всегда тепло ему улыбалась.— Ну, я не думаю, что это поможет, — Айрис ответила с той же лёгкостью, с которой распускаются лепестки цветов весной.— Правда? — Сера, словно пчела, улавливая аромат нектара, приготовилась услышать ответ.— Я также ругала Райли вчера. Разве это было не при тебе? —

Айрис, как будто в шутку, напомнила о том, что казалось бы, было давно забыто.— Я уверена, что твой попкорн на вкус очень даже ничего, но как ты мог заставить всех беспокоиться? — Айрис, с лёгкой иронией в голосе, повторила слова Яна, которым он обратился к Райли в тот день. Айрис заставила Райли извиниться перед Яном, Серой и перед ней.— Ну, я могу с уверенностью сказать, что это было довольно мягко, — ответила Айрис, словно говоря о приятном летнем бризе, ласкающем кожу.— Тогда... — Сера хотела продолжить, но Айрис, словно поймав её мысль, прервала. — Мне... Мне всегда говорили, что мать всегда поймет, о чем думает сын. Конечно, я не телепат. Я не могу знать его мысли... Но я могу понять какие ему приходится испытывать эмоции. Как его мать, — Айрис, с лёгким акцентом на последних словах, словно рассказывала старую сказку, в которой слова имели особенную силу. Она жалостливо улыбалась, описывая свое видение, какой должна быть мать. Затем продолжила объяснять, как она видит Райли с точки зрения матери.— Иногда... Я вижу его потрясённые глаза, или бесконечную печаль на его лице. Я размышляла много раз, почему он может так печалиться, но никак не могла этого понять. Однажды, я прямо спросила: «Может тебя что-то беспокоит или кто-то обижает?». Знаешь, что он ответил? — Айрис, словно хотела сохранить этот момент в памяти надолго, рассказывая о том, что произошло. Сера была всегда рядом с Айрис, но она ничего подобного не замечала. Спящим или читающим. Или принимающим пищу. Молодой господин всегда мурлыкал, лежа на яблоне. Может, он показывал такие эмоции только в присутствии матери? Это было неожиданно. Поэтому Сера удивленно спросила:— И что же он ответил? — её голос словно отражал настроение утро, когда солнце только начинает просыпаться. — Он повел себя так, как будто не понимал, о чем я. Что ничего не происходит и не происходило, — Айрис, словно читала стихи, каждый слог звучал с особым значением.— Совершенно... ничего? — Сера, словно забыв о своей роли, просто выражала свое изумление.— Да. Даже когда он попытался сделать взволнованное лицо, будто его бранили. Все равно казалось, что он пытается скрыть, — Айрис, словно исполняя танго, с грацией и чувством незавершенности продолжала свой рассказ. Айрис принялась перебирать пальцы, словно считывала информацию с невидимой доски.— Мне обидно, что он не рассказал мне, как матери... Но я полагаю, это значит, что он тоже про это бумает и просто не хочет меня беспокоить, — Айрис, словно волшебница, проникала в тайны души человека. Её взволнованная улыбка становилась нежной и спокойной. Хотя она все еще не была столь старой, чтобы называть себя матерью-ветераном, это был тот род улыбки, который придавал ей доброго спокойствия... эта улыбка излучала телоту.— Но что-то точно есть. Там, я точно не знаю, когда я не могу его видеть, с Райли что-то происходит. Что-то, что заставляет его глаза дрожать, а лицо становится грустным, будто у него на плечах тяжесть всего мира... что-то вроде того, — Айрис, словно искусная художница, рисуя слова, создавала живой образ.— Если бы я была со своим сыном 24 часа в сутки, 365 дней в году... Поняла бы я тогда? — Сера, словно пыталась проникнуть в тайну человеческих отношений и понять, что спрятано за словами. Но ответа не было. Поэтому Айрис решила быть сильной.— Как его единственная мать, я обязана понимать, — она произнесла эти слова с не волей, а с убеждением. Даже если люди в особняке будут проявлять враждебность. Даже если они в расстройстве били себя в грудь.— Итак.... По крайней мере, я не стану заставлять его что-либо делать, — Айрис, словно путешественница, твердо решившая дойти до цели.— По крайней мере, я не стану поступать как остальные. Я буду верить в своего сына, — её слова несли в себе не только уверенность, но и нежность. Айрис решила так. И она верила, что ее сын так же поверит в нее однажды.— Я буду его давать, — ее слова звучали как молитва о счастье.— Потому что я его мать, — Айрис призналась в своем предназначении.— Я всего лишь... желаю, чтобы Райли был счастлив. Более чем кто-либо на земле, — эти слова были проникновенными, они отражали глубину её души."..." — Сера, словно искусная скульптор, пыталась создать в своей душе образ героини, отражающей всё лучшее в человеке. Айрис была хорошей матерью. Сера убедилась в этом.— Когда я вырасту, выйду замуж и у меня будет ребенок, я буду мамой как она, — Сера построила в своей душе образ идеальной семьи, где любовь и понимание были главными ценностями. Так решила Сера.—

...Что-то не так? — Айрис заметила необычный блеск в глазах Серы. Сера стояла с такой довольной ухмылкой, что Айрис не смогла не спросить. — Нет, нет... Я просто в восхищении, — Сера, словно ожившая кукла, ответила с улыбкой и весёлым блеском в глазах. — Ох, Сера... Ты заставляешь меня краснеть, — Айрис, невольно улыбнулась, её щеки словно окрасились оттенком заката. Сера была в замешательстве, рассказывать ли Айрис о совете, который Райли дал ей, и крепко сжимала метлу в руке. Но необходимости нет. Так она решила. — Тссс, веди себя так, словно ничего не произошло, — она вспомнила слова Райли и приняла решение молчать. "... — Сера, словно заключила с собой негласный договор. — Что ж, Сера, тогда работай усердней, — Айрис, словно благословившая её, развернулась и пошла прочь. — Эм, госпожа Айрис, — Сера, словно не хотела отпускать её, остановила её вопросом. — Да? — Айрис, словно заслушалась мелодии леса, остановилась. — Вы наверное куда-то собираетесь? — Сера спросила с уважением и волнением. Как главная служанка Айрис, частью её повседневных обязанностей было знать, где находится госпожа. Сера собиралась присоединиться к ней, после уборки. — Ну... — Айрис, словно задумавшаяся, ненадолго замолчала. От вопроса Серы, Айрис остановилась. На её лице было выражение, будто она что-то скрывала. — Возможно... в ванну? — она ответила с невинной улыбкой. — Простите? — Сера не смогла понять её ответ. — Хехехе, это секрет, — Айрис засмеялась, подобно весеннему ручейку, бегущему по каменным скалам. И Айрис продолжила свой путь. — Не переживай. Я не стану прятаться как Райли, — прошептал юноша, его голос дрожал, словно осенний лист на ветру. — ...Ффух, — выдохнул Райли, затаившийся в углу, словно загнанный зверь. К счастью, после странного открытия о своей мане, ему не пришлось заставлять Серу молчать. — Хм, а мама довольно проницательна, — пробормотал он, теребя край рубашки. Айрис не просто добра, она — источник света, просвечивающий сквозь самые темные уголки души. Ее способность видеть людей насквозь пугала и одновременно очаровывала Райли. Сера тому яркий пример, и он все еще нервничал, словно на краю пропасти. — Пожалуй, она заставит Яна присматривать за мной, вот что я думаю, — прошептал Райли, сдерживая смех. Мысль о том, что высокий и мрачный дворецкий, то плачущий, словно девчонка, то краснеющий от ярости, станет его телохранителем, вызвала в нем невольную улыбку. — ...Я должен уважать родителей, — произнес Райли, его голос звучал решительно, словно раскаты грома. Почитание родителей — священный долг, продиктованный самой природой. Мать, любящая и доверяющая, требовала от сына одного — послушания. И хотя в прошлой жизни он не мог сделать подобное, в этой он исполнит ее волю со всей возможной верностью. Вспоминая глаза графа Штейна, Райли почувствовал знакомый холодок. Штейн, очевидно, заметил, что Ян тоже вовлечен. Это была причина его испытующего взгляда, полного ожиданий. — Отец... — прошептал Райли, его голос был едва слышен, словно шепот ветра в ветвях старого дерева. Штейн — его отец, а значит, и родитель. Если он собирается уважать родителей, то Штейн тоже является тем, кому он должен выказать уважение. — Столица... — прозвучало в тишине, словно раскат грома, прерывающий тишину леса. Эти слова, сказанные отцом, поставили Райли в неудобное положение. Штейн был груб, холоден, но его слова всегда таили в себе глубокий смысл. Он был его отцом, его образцом для подражания. И сейчас было то же самое. Вероятно, он поступил так, чтобы Райли был как можно дальше от Ллойда, который все еще был в ярости после того, что произошло с Орелли. Именно поэтому ему вручили приглашение на турнир мечников. — Если я приму участие, мне точно не избежать драки, — прошептал Райли, его слова звучали словно предсмертный стон. Райли боялся. Что, если он примет предложение отца и примет участие в турнире? Сможет ли он скрыть свои старые привычки, свои тайные страхи? — И тогда снова... — прошептал он, его голова покачивалась, словно в тумане. Он вспомнил прошлое, свою прежнюю жизнь. Мана, излучаемая Райли, начала дрожать, словно огонек на ветру. Тук-тук. Кто-то стучал. — ...Райли? — прозвучал в тишине голос, словно завывание ветра. Райли погасил сверкание маны, словно потушил огонь. Он поднял взгляд — Мама... — его голос был хриплым, словно от пересыхания. Дверь скрипнула, открываясь. Мать вошла в его укрытие, словно свет, проникающий в темную комнату. — Ты снова тут прячешься? — спросила

она, ее голос был нежен и тих, словно шепот утреннего бриза.— Прости... Я просто хотел подумать кое о чем, — пробормотал Райли, покраснев от стыда. Местом, где Райли прятался, был чулан Айрис, одно из тех мест в особняке, где он мог скрыться от всего мира. Именно тут, сверкая маной, он подслушал Серу и размышлял о словах отца о столице. — Ты разве не знаешь, что это плохо? Я же говорила тебе вчера, что все будут волноваться, если ты поступишь так, — сказала Айрис, ее глаза светились пониманием, словно два лучика солнца. Она согнула колени, чтобы посмотреть в глаза Райли. — Кое-что о чем ты думаешь... это столица? — спросила она тихим голосом. Хотя Райли был в растерянности, лицо Айрис оставалось полным тепла и заботы. Она, казалось, верила, что ее сын желает исполнять роль сына. — ... — Райли молча кивнул, не находя себе слов.— Почему? — спросила Айрис, ее голос был ласковым, словно щебетание птицы.— Я боюсь меча, — прошептал Райли, его слова были словно признание в любви. В отличие от прошлых случаев, он говорил с ней, словно доверяясь матери. В этом ответе скрывались травмы прошлого, ожидающие его в будущем. Он боялся меча, и это был честный ответ. — Хм, я понимаю... — выдержав паузу, ответила Айрис, затем склонила голову и продолжила. — Тогда как насчет отдыха?— ...Что? — зрачки Райли расширились от удивления. Она весело улыбнулась. — Отдыха. С мамой. — сказала Айрис, ее глаза сияли.— ...? — Райли не понимал. С теплой улыбкой Айрис добавила: — Твоя мама поможет. ## Глава двадцатая: Прятки (часть пятая)Ещё раз. И ещё разок. Сера, вцепившись в метлу, словно в волшебную палочку, методично повторяла эту фразу, как заклинание, пытаясь запечатлеть её в своей душе. С каждым новым «ещё разок» угол метлы менялся, а сама Сера всё глубже погружалась в этот странный танец. И вдруг — чье-то присутствие позади. Вздрогнув, словно испуганная птичка, Сера резко обернулась.— ...Сера? Что ты тут делаешь? Это была Айрис, её шаги неслись по коридору к комнате, которая, как и вся остальная усадьба, нуждалась в срочной уборке. Скрывать своё присутствие не было смысла. Сера выдохнула, словно освободившись от невидимого груза. Айрис, а не кто-то другой.— Ох, госпожа Айрис, — выдохнула она, пытаясь найти слова. — Кхм! Что это? Что за странная поза? — Айрис, словно опытный охотник, выследила объект своей заинтересованности, её взгляд был острым и пронизательным.— Это... — Сера залилась краской, подобно алому закату, окрасившему небо, она чувствовала себя беспомощно глупой, застывшей вполнине странного упражнения с двумя метлами, словно огромные крылья, вздыбленными над её грудью. — Ахаха... Я тренировалась. Пока получается довольно неуклюже, — ответила она, схватив обе метлы одной рукой, а другой поправляя юбку, словно пытаясь скрыть свою неловкость. Реверанс, неуклюжий и немного смешной, но всё же чёткий.— Не переживай. Прилагать усилия ради того, чтобы стать лучше, это здорово, — сказала Айрис, её голос был тёплым, как летний ветер, ласкающий поляну, — И совершенно не важно как это выглядит. Неловко должно быть мне. Кажется, я прервала твою тренировку.— Пожалуйста, воздержитесь от высказываний о совершенствовании, — взмолилась Сера, её тон был пропитан едва заметной горечью. — Это задевает.— Задевает? — Айрис, как всегда, была полна любопытства, подобно кошке, поджидающей мышку. — По правде, я просто сачковала от дел, — призналась Сера, её улыбка была смущённой, как робкий цветок, распускающийся под утренним солнцем. Она никогда не осмелилась бы признаться в этом Штейну, но с Айрис всё было иначе. Ян связывал ответственность за Райли, а Сера была ответственна перед Айрис, служила ей, проводила с ней большую часть времени. Для них общение, как между друзьями, было обыденностью.— Сачковала? — Айрис, словно отражая солнечный свет, искрилась любопытством. — Ну... Господин Райли исчез. Райли, исчезнувший вчера, исчез снова. Этот факт заставил душу Айрис похолодеть, словно от ледяного ветра с вершины высочайшей горы. Ей представлялись ассасины, скрывающиеся в тени, готовые снова ударить.— Райли был? — её голос дрогнул, словно струна, вот-вот готовая лопнуть.— О, это не то о чем вы подумали, — Сера, словно пытаясь успокоить бурю, продолжила, — По-правде... Господин Штейн разговаривал с господином Райли. Сейчас сезон турниров. Мне кажется, причина в этом...— Ах.. — Айрис понимающе кивнула, словно в тихом лесе замерла перед её глазами сова, внимательным

взглядом осматривая окружающее пространство. — Ты думаешь, это прятки? — её голос прозвучал почти шёпотом, невольно передавая свою тревогу.— Да. Я хотела поискать его... но моё внимание на полпути отвлекла тренировка, — Сера смущенно засмеялась, её смех был тихим и нежным, словно пение ручейка в летнем лесу. Если третий сын особняка прячется, его не может найти никто. Это был факт.— Ох, Райли... — Айрис, словно нехотя, признала это, её взгляд погрузился вглубь самой себя. — Итак... Разве вы ничего от него не ожидаете? — Сера, словно опытный хирург, задала вопрос, невольно поразив Айрис в самую сердцевину.— Ожидать от него? — Айрис с искренним удивлением в голосе переспросила, её взгляд словно затуманился.— Да. Похоже на то, что господин Штейн хочет заставить Райли кое-что сделать. Но господин Райли только сбегает... И все же, вы придерживаетесь мягкой позиции. Разве вы не переживаете? Например, о том разговоре... о преемнике? — Сера не оставила Айрис выбора, она просто не могла не задавать эти вопросы. Этот же вопрос часто задавал Ян. Даже ныне изгнанная госпожа Орелли была довольно строга с детьми. Но Айрис была полной противоположностью. Как бы ни был ленив ее сын, она всегда тепло ему улыбалась.— Ну, я не думаю, что это поможет, — Айрис ответила с той же лёгкостью, с которой распускаются лепестки цветов весной.— Правда? — Сера, словно пчела, улавливая аромат нектара, приготовилась услышать ответ.— Я также ругала Райли вчера. Разве это было не при тебе? — Айрис, как будто в шутку, напомнила о том, что казалось бы, было давно забыто. — Я уверена, что твой попкорн на вкус очень даже ничего, но как ты мог заставить всех беспокоиться? — Айрис, с лёгкой иронией в голосе, повторила слова Яна, которым он обратился к Райли в тот день. Айрис заставила Райли извиниться перед Яном, Серой и перед ней.— Ну, я могу с уверенностью сказать, что это было довольно мягко, — ответила Айрис, словно говоря о приятном летнем бризе, ласкающем кожу.— Тогда... — Сера хотела продолжить, но Айрис, словно поймав её мысль, прервала. — Мне... Мне всегда говорили, что мать всегда поймет, о чем думает сын. Конечно, я не телепат. Я не могу знать его мысли... Но я могу понять какие ему приходится испытывать эмоции. Как его мать, — Айрис, с лёгким акцентом на последних словах, словно рассказывала старую сказку, в которой слова имели особенную силу. Она жалостливо улыбалась, описывая свое видение, какой должна быть мать. Затем продолжила объяснять, как она видит Райли с точки зрения матери.— Иногда... Я вижу его потрясённые глаза, или бесконечную печаль на его лице. Я размышляла много раз, почему он может так печалиться, но никак не могла этого понять. Однажды, я прямо спросила: «Может тебя что-то беспокоит или кто-то обижает?». Знаешь, что он ответил? — Айрис, словно хотела сохранить этот момент в памяти надолго, рассказывая о том, что произошло. Сера была всегда рядом с Айрис, но она ничего подобного не замечала. Спящим или читающим. Или принимающим пищу. Молодой господин всегда мурлыкал, лежа на яблоне. Может, он показывал такие эмоции только в присутствии матери? Это было неожиданно. Поэтому Сера удивленно спросила:— И что же он ответил? — её голос словно отражал настроение утро, когда солнце только начинает просыпаться.— Он повел себя так, как будто не понимал, о чем я. Что ничего не происходит и не происходило, — Айрис, словно читала стихи, каждый слог звучал с особым значением.— Совершенно... ничего? — Сера, словно забыв о своей роли, просто выражала свое изумление.— Да. Даже когда он попытался сделать взволнованное лицо, будто его бранили. ## Переработанный текст: Айрис, словно танцовщица, грациозно двигала руками, продолжая свой рассказ. В ее жестах чувствовалась недосказанность, как будто она таила в себе какую-то тайну. Пальцы Айрис перебирали воздух, словно считывая информацию с невидимой доски. "Мне обидно, что он не рассказал мне, как матери... Но я полагаю, это значит, что он тоже переживает и просто не хочет меня беспокоить," - сказала она, ее голос звучал мягко, словно шепот весеннего ветра. Улыбка Айрис была светлой и спокойной, словно утренний рассвет. Она еще не была старой, чтобы называться "матерью-ветераном", но в ее глазах уже таилась мудрость, а в улыбке - глубокое понимание. "Но что-то точно есть. Там, где я не могу его видеть, с Райли что-то происходит. Что-то, что заставляет его глаза дрожать, а лицо становится грустным, будто у него на плечах тяжесть всего мира... что-то вроде того," - продолжала

Айрис, ее слова, подобно кисти художника, рисовали в воздухе живой образ. Сера молчала, словно пытаясь проникнуть в тайну человеческих отношений, понять, что скрывается за словами Айрис. Но ответа не было. "Как его единственная мать, я обязана понимать," – сказала Айрис, ее голос звучал решительно, словно она давала клятву. Ее слова несли в себе не волю, а глубокое убеждение, которое могло бы пробить даже самую крепкую стену. "Итак... По крайней мере, я не стану заставлять его что-либо делать," – Айрис, словно путник, твердо решивший дойти до цели, продолжала говорить. "Я не стану поступать как остальные. Я буду верить в своего сына." В ее словах слышалась не только уверенность, но и нежность, как теплое солнце, согревающее душу. Айрис решила так. И она верила, что ее сын так же поверит в нее однажды. "Я буду его давать," – ее слова звучали как молитва о счастье, словно она просила небеса о благословении. "Потому что я его мать," – Айрис призналась в своем предназначении. "Я всего лишь... желаю, чтобы Райли был счастлив. Более чем кто-либо на земле." Эти слова были проникновенными, они отражали глубину ее души. Сера, словно скульптор, старалась создать в своей душе образ героини, отражающей всё лучшее в человеке. Айрис была хорошей матерью. Сера убедила себя в этом. "Когда я вырасту, выйду замуж и у меня будет ребенок, я буду мамой как она," – Сера построила в своей душе образ идеальной семьи, где любовь и понимание были главными ценностями. Так решила Сера. "...Что-то не так?" – Айрис заметила необычный блеск в глазах Серы. Сера стояла с такой довольной ухмылкой, что Айрис не смогла не спросить. "Нет, нет... Я просто в восхищении," – Сера, словно ожившая кукла, ответила с улыбкой и весёлым блеском в глазах. "Ох, Сера... Ты заставляешь меня краснеть," – Айрис невольно улыбнулась, ее щеки словно окрасились оттенком заката. Сера была в замешательстве, рассказывать ли Айрис о совете, который Райли дал ей, и крепко сжимала метлу в руке. Но необходимости нет. Так она решила. "Тссс, веди себя так, словно ничего не произошло," – она вспомнила слова Райли и приняла решение молчать. Сера, словно заключила с собой негласный договор. "Что ж, Сера, тогда работай усердней," – Айрис, словно благословившая ее, развернулась и пошла прочь. "Эм, госпожа Айрис," – Сера, словно не хотела отпускать ее, остановила ее вопросом. "Да?" – Айрис, словно заслушалась мелодии леса, остановилась. "Вы наверное куда-то собираетесь?" – Сера спросила с уважением и волнением. Как главная служанка Айрис, частью ее повседневных обязанностей было знать, где находится госпожа. Сера собиралась присоединиться к ней, после уборки. "Ну..." – Айрис, словно задумавшаяся, ненадолго замолчала. От вопроса Серы, Айрис остановилась. На ее лице было выражение, будто она что-то скрывала. "Возможно... в ванну?" – она ответила с невинной улыбкой. "Простите?" – Сера не смогла понять ее ответ. "Хехехе, это секрет," – Айрис засмеялась, подобно весеннему ручейку, бегущему по каменным скалам. И Айрис продолжила свой путь. "Не переживай. Я не стану прятаться как Райли," – прошептал юноша, его голос дрожал, словно осенний лист на ветру. "...Ффух," – выдохнул Райли, затаившийся в углу, словно загнанный зверь. К счастью, после странного открытия о своей мане, ему не пришлось заставлять Серу молчать. "Хм, а мама довольно проникательна," – пробормотал он, теребя край рубашки. Айрис не просто добра, она – источник света, просвечивающий сквозь самые темные уголки души. Ее способность видеть людей насквозь пугала и одновременно очаровывала Райли. Сера тому яркий пример, и он все еще нервничал, словно на краю пропасти. "Пожалуй, она заставит Яна присматривать за мной, вот что я думаю," – прошептал Райли, сдерживая смех. Мысль о том, что высокий и мрачный дворецкий, то плачущий, словно девчонка, то краснеющий от ярости, станет его телохранителем, вызвала в нем невольную улыбку. "...Я должен уважать родителей," – произнес Райли, его голос звучал решительно, словно раскаты грома. Почитание родителей – священный долг, продиктованный самой природой. Мать, любящая и доверяющая, требовала от сына одного – послушания. И хотя в прошлой жизни он не мог сделать подобное, в этой он исполнит ее волю со всей возможной верностью. Вспоминая глаза графа Штейна, Райли почувствовал знакомый холодок. Штейн, очевидно, заметил, что Ян тоже вовлечен. Это была причина его испытующего взгляда, полного ожиданий. "Отец..." – прошептал Райли, его голос был едва слышен, словно шепот ветра в ветвях старого дерева.

Штейн - его отец, а значит, и родитель. Если он собирается уважать родителей, то Штейн тоже является тем, кому он должен выказать уважение. "Столица..." - прозвучало в тишине, словно раскат грома, прерывающий тишину леса. Эти слова, сказанные отцом, поставили Райли в неудобное положение. Штейн был груб, холоден, но его слова всегда таили в себе глубокий смысл. Он был его отцом, его образцом для подражания. И сейчас было то же самое. Вероятно, он поступил так, чтобы Райли был как можно дальше от Ллойда, который все еще был в ярости после того, что произошло с Орелли. Именно поэтому ему вручили приглашение на турнир мечников. "Если я приму участие, мне точно не избежать драки," - прошептал Райли, его слова звучали словно предсмертный стон. Райли боялся. Что, если он примет предложение отца и примет участие в турнире? Сможет ли он скрыть свои старые привычки, свои тайные страхи? — И тогда снова... — прошептал он, голова его покачивалась, словно плывущая в тумане лодка. Вспомнилась прежняя жизнь, та, что осталась позади, как далекий сон. Мана, струящаяся от Райли, дрогнула, подобно хрупкому пламени на ветру. Тук-тук. Кто-то стучал. — ...Райли? — прозвучал в тишине голос, подобный завыванию ветра. Райли погасил сияние маны, словно потушил огонь. Он поднял взгляд — Мама... — голос его был хриплым, словно от долгой засухи. Дверь скрипнула, открываясь. Мать вошла в его укрытие, подобно лучу света, проникающему в темную комнату. — Ты снова здесь прячешься? — спросила она, голос ее был нежен и тих, словно шепот утреннего бриза. — Прости... Я просто хотел подумать кое о чем, — пробормотал Райли, покраснев от стыда. Местом, где Райли прятался, был чулан Айрис, одно из тех мест в особняке, где он мог скрыться от всего мира. Именно здесь, сверкая маной, он подслушал Серу и размышлял о словах отца о столице. — Разве ты не знаешь, что это плохо? Я же говорила тебе вчера, что все будут волноваться, если ты поступишь так, — сказала Айрис, ее глаза светились пониманием, словно два лучика солнца. Она согнула колени, чтобы посмотреть в глаза Райли. — Кое-что о чем ты думаешь... это столица? — спросила она тихим голосом. Хотя Райли был в растерянности, лицо Айрис оставалось полным тепла и заботы. Она, казалось, верила, что ее сын желает исполнять роль сына. — ... — Райли молча кивнул, не находя себе слов. — Почему? — спросила Айрис, ее голос был ласковым, словно щебетание птицы. — Я боюсь меча, — прошептал Райли, его слова были словно признание в любви. В отличие от прошлых случаев, он говорил с ней, словно доверяясь матери. В этом ответе скрывались травмы прошлого, ожидающие его в будущем. Он боялся меча, и это был честный ответ. — Хм, я понимаю... — выдержав паузу, ответила Айрис, затем склонила голову и продолжила. — Тогда как насчет отдыха? — ...Что? — зрачки Райли расширились от удивления. Она весело улыбнулась. — Отдыха. С мамой. — сказала Айрис, ее глаза сияли. — ...? — Райли не понимал. С теплой улыбкой Айрис добавила: — Твоя мама поможет.